

СЕГОДНЯ идет «Принцесса Турандот» — специальный праздник, специальный спектакль Вахтанговского театра. И когда мы с народным артистом СССР Евгением Симоновым проходим за кулисами по актерскому коридору, то наталкиваемся на самые неожиданные (для меня, зри-

Евгений СИМОНОВ

ОСТАНЬСЯ ЮНОЙ, ПРИНЦЕССА

теля, конечно) сценки. Вот Вителла — Владимир Этуш — в смешных, во все лицо очках. А вот появляется задумчивый принц Калаф — Василий Лановой. А со сцены доносятся необыкновенная, тревожащая музыка, а сквозь ее аккорды — голос принцессы.

— Кто сегодня играет Турандот? — спрашиваю Евгения Рубеновича.

— Одна из наших молодых актрис — Людмила Константинова, — отвечает он, когда мы входим в его кабинет.

Кабинет все такой же, каким он был при жизни Рубена Николаевича — темные стены, алый бархат старинных кресел, ярное пятно света, выхватывающего из полумрака лица собеседника. Секретарь, доносящий со сцены голоса актеров...

Идя сюда, я готовился к разговору о связи театрального искусства с литературой, о роли поэзии на сцене. Однако Е. Симонов опередил мои вопросы и заговорил о том, что, очевидно, прежде всего волнует его как главного режиссера.

— Сейчас, как известно, очень остра проблема воспитания творческой смены, а для нашего театра особенно. — горячо говорит он. — Разговоры на эту тему было много, и упреки высказывались справедливые... Когда родился вахтанговская «Турандот» в 1922 году, самый молодой актрисе студии было всего 18 лет. И весь спектакль, как мы знаем, был исполнен романтики и юношеской влюбленности в жизнь. Молодость вахтанговцев знала и на поиски, на эксперименты, на дерзание. И это встречало самое доброжелательное отношение со стороны мастеров старшего поколения.

Помню, как-то, будучи еще в расцвете сил в труппе, Рубен Николаевич сказал мне:

— Просту тебя, когда услышишь в зрительном зале разговоры о том, что я поставил, найдя в себе мужество и скажи мне об этом...

Дыхание жизни он считал совершенно естественным.

И вот однажды, сидя на текстильском спектакле «Много шума из ничего», я услышал на своей сценной таху реплику зрителя:

— Как Симонов и Мансуров постарели!.. (Они играли Бенедикта и Беатриче).

После спектакля я в шуточной форме рассказывал об этом Рубену Николаевичу. Он улыбнулся и сказал:

— Не огорчайся. Все будет так, как нужно...

И тут же на эти роли были введены Л. Целюковская и Ю. Любимов. А сам он перешел на другие роли, например, Доменико Сарнио в «Флаумене Мартурано». И, конечно, возглавлял Вахтанговский театр на только как режиссер, но и как актер.

— Уж не хотите ли вы, Евгений Рубенович, сказать, что вновь пришло время вернуться театральный штурвал? Подобное решение, в принципе совершенно естественное, в данном случае остроумно бы, несомненно, зрительский отпор. Ведь вахтанговское создание артистов блистает ярко и дарит людям огромную радость... — Нет, нет, я должен

уточнить свою мысль. Совершенно согласен с тем, что так называемое среднее поколение сейчас главенствует в театральном искусстве нашей страны и, в частности, у вахтанговцев. И отнюдь не собирается покидать «поле боя». Да это и не требуется. Такие актеры, как Юлия Борисова, Михаил Ульянов, Иннокентий Смоктуновский, Евгений Евстигнеев, Никита Подгорный, Руфина Нифонтова, Евгений Веским, и многие другие, беспорочно украшая советской сцены. И дай бог, чтобы их блистательное творчество как можно дольше радовало людей. И все же подготовка молодых вахтанговцев — моя постоянная забота, постоянная боль.

Постановление ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью» открыло широкие возможности, и многое уже сделано. Но, к сожалению, еще не все, от чего зависит судьба нового

поколения творческих работников, встречают молодежь с распростертыми объятиями, в частности ограничиваются лишь прекрасными призывами, за которыми ничего нет. И все же скажу вам с радостью — молодежная студия при нашем театре в скором времени будет! Не фантал, который служил бы чем-то вроде «места изгнания» неугодных авторов, неудачных спектаклей, а именно студия, девиз которой — полное доверие молодым. Мы намерены воплощать в жизнь идеи Евгения Вагратоновича Вахтангова, всегда стремившегося ставить революционные спектакли.

— С чего же начнется работа в студии? — Начнем мы с воспитания самостоятельности в творчестве. Ведь не секрет, что нынешнее поколение отличается некоторой инфантильностью, слишком долго «прозревает в темноте».

Прежде, судя по документам, было совершенно иначе. В моем семейном архиве, например, хранятся письма молодого Бориса Чукина Рубену Симонову. Какой это был уже тогда зрелый мастер! Как он глубоко и серьезно анализировал состояние творческих дел в Вахтанговском театре! Как горячо говорил о жизненной необходимости — создании современного спектакля о Революции, о Народ! И не только говорил, а и создал образ Павла Суслова и трезвото прикоснулся к образу Ильича...

Однако не стану глубоко вдаваться в историю театра... Актер, как и писатель, не может начать заниматься в 40-летнем возрасте. Я очень люблю спорт, поэтому позволю себе некое «предолимпийское» сравнение: студия — это в какой-то мере дублирующий состав профессиональной спортивной команды. Он должен быть в прекрасной форме и всегда готов выйти «на поле», то есть в данном случае на сцену, и не уронить при этом честь своей блистательной команды.

— Не можете ли вы рассказать о репертуаре вахтанговцев подробнее. — Пожалуй, да. Мы приняли к постановке новую пьесу Пона Друц, ждем нового произведения от бакинского драматурга Азата Абдуллина, о постановке пьесы которого «Тринадцатый председатель» сейчас много говорят и пишут. Думаю о высокой классике, а также о веселом спектакле... — А какое место, Евгений Рубенович, вы отводите поэзии на сцене? И поэзия в жизни любого человека вообще, и в нашей жизни, в частности? Мы знаем нас не только как главного режиссера Вахтанговского театра, педагога Училища имени Чукина, но и как автора пьес в стихах...

— Должен вам признаться, что я бесконечно люблю поэзию во всех ее проявлениях, и прежде всего на сцене. И не случайно одной из первых постановок нашей студии будут блоковский пьесы — «Роза и крест», «Незнайка», «Валагачик» (музыка Н. Богословского).

— Почему вы выбрали именно эти, довольно сложные произведения молодого тогда поэта? — Считаю, что ларед нашей молодежи

(их 33 человека) поэзия Влюка откроет огромные возможности размышлять, экспериментировать — именно по-вахтанговски. И сложность драматургического материала — не препятствие, а приглашение к поиску.

Хочу, чтобы с вахтанговской сцены зазвучали и пламенные строки Владимира Маяковского: мы намерены дать спечическую жизнь его поэме «Владимир Ильич Ленин», а также «Мистерия-буфф», которая представляется удивительно современным произведением.

Мы же нашли еще ключа к их постановке. Может быть, молодые скорее нас отыщут этот ключ... И очень бы хотелось, чтобы современные советские поэты не игнорировали поэтический театр и продолжали бы линию этого революционного, по своей сути, жанра...

— Ну, а вы сами? — нажимаю я.

— Писать для себя, отнюдь не спешу «открыть мой стол» и предложить написанное к постановке или публикации. Хотя, впрочем...

— И это снова поэзия?

— Да. В течение десяти лет, исполняя каждую, такую редкую в моем переполненном режиме свободную минуту, и в особенности летом, во время отпусков, садился за письменный стол. В процессе работы продублировал множество книг — поэтов, прозаиков, критиков, историков литературы. И вот мой труд завершен: готова драматическая трилогия о трех поэтах разных эпох — средневековой, Возрождения и современности.

— А что вы пишете, помимо пьес?

— Книгу об отце, воспоминания о Чукине, Мансуров, Охлопков, Захаров.

— Известно, что вы причастны, кроме театра и поэзии, еще и к музыке...

— Это так. Я ведь собирался стать вовсе не театральным режиссером, а пианистом. К своему большому счастью свободно читаю с листа и играю на рояле в четыре руки с моими друзьями-музыкантами.

В общем и поэзия, а музыка — мои постоянные спутники! — убежден, что без глубокого знания этих видов искусства современный театр немыслим.

При жизни Рубена Николаевича мне по журналистским делам не раз приходилось бывать в его квартире, в одном из переулков старого Арбата. Помню галерею замечательных фотографий известных деятелей советского театра, писателей, поэтов, художников, смотревших со стены его рабочего кабинета. То шуточные, то грустные, дружеские фотографии на фотографиях и книгах, ставших семейными реликвиями.

— Чем вы особенно дорожите на архива вашего отца?

— Это прежде всего уникальные книги из библиотеки Федора Ивановича Шалапина. Рубен Симонов начинал свою актерскую жизнь в Шалапинской студии, его хорошо знали и любили дети Федора Ивановича — Ирина, Людмила, Борис. Иногда они дарили ему книги. Так оказался в нашей коллекции, например, автограф Вукина на книге «Листопад», подаренной им Сергею Рахманинову; собрание сочинений Достоевского с пометками Шалапина и с инициалами «ФШ» на переплете.

Как ценнейшую реликвию, храню часть архива Евг. Вахтангова. Здесь — письма к нему Немировича-Данченко, Качалова, Мейерхольда, а также письма самого Евгения Вагратоновича к семье. Естественно, что все эти ценнейшие документы я со временем передам в музей нашего театра.

— А какие книги любите и собираете вы лично?

— В основном поэзию и книги о музыке. Очень люблю стихи таких незадолго, с моей точки зрения, забытых поэтов, как Языков, Баратынский, Батюшков. На почетном месте в моей коллекции — лично мне адресованные автографы С. Маршала. Нас связывала многолетняя дружба. Есть у меня так же автографы К. Симонова, А. Корнейчука, В. Пастернака, а также М. Сарьяна, К. Юона, Б. Волкова...

— А кто из драматургов наиболее близок вам и как режиссеру, и как человеку?

— Шекспир и Чехов, они неисчерпаемы.

...В кабинете видны лишь одна за другой маски — обаятельный антракт, а антеры заходят как огоньки. В полумраке они кажутся таинственными прищелками из сказочного мира, где всегда звучит волшебная музыка и вечно юной остается прекрасная принцесса Турандот Улы, это бывает только в снах.

Валентина ЖЕГИС.

Фото Е. Халдеев.